

УДК 165.42+17.022.1

И.П. Тарасов, Д.К. Казеннов**НОНКОГНИТИВИЗМ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА**

Анализируются концептуальные основания нонкогнитивистской метаэтики. Авторы приходят к выводу, что отрицая дескриптивную составляющую моральных высказываний, нонкогнитивизм указывает не на отсутствие в них эмпирического содержания и познавательного потенциала, а на их эпистемическую ценность. Этот тезис нужно понимать как утверждение о прагматике морального языка.

Ключевые слова: нонкогнитивизм, эмотивизм, значение, семантика, прагматика.

1. Если считать, что каждое явление в мире имеет свою причину или зависит от определенных условий, то выбор примеров, которыми философы подтверждают свои интеллектуальные интуиции, не является случайным. Интересно узнать, что заставило Айера выбрать предложение «красть деньги неправильно» для демонстрации значимости эмотивистского анализа. Может быть, это социальная нестабильность внутри английского общества 30–40-х годов XX в. или желание следовать библейским заповедям? Какой бы ответ мы не выбрали, проблема незаконного овладения чужим имуществом (т.е. воровство) является действительно важной. И нам хотелось бы знать, как к этому социальному явлению относиться, почему «нарушение авторских прав неправильно и противозаконно», а «ростовщичество и процентные ставки по кредитам – это вполне нормально и хорошо». Почему нужно верить первому высказыванию и соглашаться со вторым? Эта «проблема доверия» возникает не только по отношению к вышеуказанному явлению, она сопровождает нас постоянно, когда мы встаем перед выбором – «выбором того, как нам жить». Так возникает моральное отношение к миру, когда определенные поступки и поведение человека рассматривается с точки зрения их универсальной ценности для жизни человека.

Моральное отношение к миру формирует свой особый язык. Сам по себе язык морали может быть поделен на два класса высказываний: это императивы и оценочные высказывания. Императивы – это высказывания, которые напрямую руководят поведением людей («будь добр» или «не укради»), самый известный пример – это категорический императив И. Канта. Ценностные высказывания – это способ, с помощью которого мы рассматриваем предъявленный тип поведения на соответствие моральным принципам. Императивы и оценочные высказывания могут и не содержать в себе морального смысла, тогда оценочные высказывания будут являться дескриптивными, а императивы станут «прагматическими максимами» или «техническими правилами» (тоже могущими быть модифицированными в дескриптивные предложения), которыми люди руководствуются в процессе достижения конкретных целей.

Основанием данной классификации выступает наличие или отсутствие эмпирического (дескриптивного) содержания в высказывании: моральные

высказывания являются недескриптивными. «Недескриптивная концепция» морального языка не является изобретением современной метаэтики. Этот способ объяснения возникает в философии Нового времени и с этого момента становится одним из доминирующих в этических исследованиях. Д. Юм и И. Кант, несмотря на их различие во взглядах на природу моральной философии, сходились в оценке особого недескриптивного статуса моральных понятий. Квазиреализм этики Д. Юма выводит существование моральных свойств из процесса проекции человеческих переживаний вовне, на объекты внешнего мира, а строгое разделение между позициями «есть» и «должно быть» является основанием для демаркационной линии между моральными высказываниями, выражающими позицию долженствования, и дескриптивными предложениями, описывающими факты. Сходным образом поступает И. Кант, когда пишет о невозможности обоснования феномена нравственности из опыта и о необходимости выделения метафизики нравственности из метафизики природы. Если этический субъективизм Д. Юма и нравственный рационализм И. Канта во многом определили современный облик моральной философии, то представление о недескриптивном характере моральных высказываний лежит в основе практически всей современной метаэтики.

Нонкогнитивизм: от семантики к прагматике. На современном этапе обоснование нестандартной семантики морального дискурса осуществляется в рамках нонкогнитивистского (эмотивистского)¹ анализа. Классическим примером эмотивистского анализа может служить концепция А. Айера. Для Айера исходным пунктом является верификационистская концепция значения. Применение этой концепции к моральным высказываниям приводит к следующим выводам:

1. Значения моральных высказываний не выражают фактуальных, связанных с опытом пропозиций, они не являются настоящими пропозициями (*genuine propositions*).

2. Моральные понятия неинформативны, у них отсутствует критерий активного применения (они не анализируемы).

3. Моральные высказывания являются средством выражения эмоций, чувств, реакций одобрения или осуждения.

4. Моральные высказывания не обладают значением истинности [1. С. 144–162].

В логическом отношении развитие концепции Айера происходит от постулирования первого тезиса к остальным в порядке следования. Несмотря на эволюцию нонкогнитивизма, большинство из перечисленных тезисов составляют методологическое ядро любой эмотивистской концепции. Прежде всего, это касается четвертого и первого и третьего тезисов. Тезисы о недескриптивности и эмоциональной составляющей морального дискурса взаимосвязаны, у разных исследователей порядок их следования может меняться: от доказательства эмоционального содержания языка морали к выводу о его недескриптивности и наоборот. Еще одной специфической особенностью

¹ Термины «эмотивизм» и «нонкогнитивизм», в основном, используются как синонимы, исключения составляют историко-философские контексты, где под эмотивизмом понимают одну из ранних версий нонкогнитивизма.

нонкогнитивизма является то, что это исключительно семантическая концепция, которая анализирует значения моральных высказываний. В этом отношении показательны слова современного исследователя нонкогнитивизма М. Шредера: «Что в этих (эмотивистских. – *Авт.*) родственных теориях есть общего, так это идея о том, что понимание значения моральных терминов таких, как «неправильно» или «хорошо», зависит от понимания их особого специфического семантического типа, который в значительной степени отличается от семантического типа неморальных терминов» [2. Р. 34]. Вот это интуитивно ясное различие в функционировании моральных терминов по сравнению с остальными и служит источником трудностей для эмотивизма.

Все основные перечисленные тезисы нонкогнитивистской программы, которые пытаются концептуализировать это различие, становились объектом критики, формулировки контраргументов, парадоксов и всевозможных проблем. Проблема Фреге–Гича, «проблема разногласий» («disagreement problem»), «аргумент от несовместимости» («incompatibility argument»), – все эти аргументы, сформулированные против нонкогнитивизма, касаются именно семантических аспектов правильного определения моральных терминов. Критике подвергаются и следствия из нонкогнитивистской семантической программы – это общетеоретические возражения о недопустимости лишения когнитивного статуса моральных высказываний.

Наличие такого обилия критических аргументов не служит основанием для отказа от нонкогнитивизма. Многие из этих затруднений могут быть успешно преодолены, например, такие как проблема Фреге–Гича или «аргумент от несовместимости» [3. С. 20–23]. Однако вышеизложенных трудностей можно избежать в принципе, если рассматривать нонкогнитивизм не исключительно как семантическую доктрину, анализирующую природу значений моральных высказываний, а в более широком историко-философском плане как правопреемника утилитаризма и этического субъективизма XVIII в.

Эффективность этого метатеоретического маневра можно продемонстрировать на анализе «проблемы разногласий». Данная трудность для эмотивистского анализа возникает из замены моральных терминов в ситуациях спора на их эквиваленты, которые даны в их определениях. Например, из определения, что значение слова «хорошо» состоит в рекомендательной функции или функции выражения симпатии, следует, что это слово можно заменить на непосредственное выражение данного чувства. Как в следующей упрощенной ситуации спора между двумя собеседниками:

А: «Коррупция – это плохо».

Б: «Ложь, коррупция – это правильно и хорошо».

Можно произвести такую замену:

А: «Мне не нравится коррупция».

Б: «Это ложь, коррупция мне нравится»

или такую:

А: «Мне не нравится коррупция».

Б: «Это ложь, коррупция – это хорошо».

Проблема для эмотивизма очевидна: во-первых, семантика всего спора оказывается нарушенной и предмет спора становится не интеллигибельным, а во-вторых, моральный смысл спора исчезает: из того факта, что мне что-то нравится или не нравится, нельзя сделать вывод о том, что этому нужно следовать или, наоборот, это следует запрещать.

Классик эмотивизма Ч. Стивенсон упоминает этот аргумент в своих работах и пытается преодолеть его с помощью отхода от традиционной модели отождествления значения моральных выражений с описанием субъективных предпочтений индивида. Он пишет, что моральные высказывания «вместо того, чтобы просто описывать человеческие предпочтения, изменяют или усиливают их» [4. Р. 20]. Этот способ определения функции моральных высказываний обозначает постепенный переход от рассмотрения семантики моральных терминов к анализу прагматики их употребления. Доказательством в пользу этого соображения служит мало кем замечаемый факт в разграничении у Стивенсона понятий значения и использования (или употребления).

Развитие идей Ч. Стивенсона происходит в экспрессивизме А. Гиббарда¹. «Проблема разногласий» в экспрессивизме находит свое разрешение с помощью понимания моральных высказываний как особого средства выражения эмоций людей. Еще Ч. Стивенсон обратил внимание на некоторое семантическое различие в фразах типа «X – это плохо» и «Мне не нравится X». Различие это заключается в объектах, о которых говорится в этих предложениях. В первом случае речь идет о феномене, которому приписывается определенное свойство, в то время как во втором предложении говорится о переживаемой эмоции относительно этого феномена. Чтобы различие стало интеллигибельным, приведем следующий пример:

«Господин Б. – благоразумный и хороший человек».

«Господин Б. мне нравится».

Экспрессивисты полагают, что различие в этой паре предложений имеет такую же природу, что и различие в паре предложений:

«Снег бел».

«Я знаю, что снег бел».

Разница в этих предложениях заключается в том, что первое из них выражает мнение в то время, как второе сообщает о нем [2. Р. 71–73]. Эта дифференциация применима и к паре предложений (1) «X – это плохо» и (2) «Мне не нравится X». Первое выражает эмоциональное отношение, а второе описывает его. Таким образом, в соответствии с экспрессивизмом моральные высказывания выражают эмоции людей, а не описывают их или сообщают о них. Благодаря этому удастся избежать трудностей, связанных с «проблемой разногласий», и сохранить концептуальный базис эмотивизма.

Остается доказать, что связь между предложениями (1) и (2) такая, что позволяет говорить о них в рамках дихотомии выражение – сообщение.

Почему предложение «X – это плохо» выражает эмоциональное состояние человека, а не описывает, например, объективно сложившееся положение дел – наличие у феномена X свойства быть плохим? Теоретическое обосно-

¹ Экспрессивизм – современная версия нонкогнитивизма.

вание экспрессивистская позиция находит в процессе, который принято обозначать «процессом объективации», «проекции» или «универсализации». Процесс универсализации является концептуальным основанием моральной философии Д. Юма и других этических концепций, которые относятся к классу субъективистских. Этот процесс объясняет генезис моральных свойств из эмоциональных переживаний человека: эмоциональные переживания переносятся от человека на предметы, которые вызвали их. Классический для субъективистской моральной философии пример с «отталкивающим» запахом гриба объясняет этот механизм на конкретном примере: запах гриба вызывает у нас неприятные ощущения и эмоции отвращения, что служит основанием для приписывания ему свойства несъедобности или иного похожего свойства [5. Р. 42; 6. Р. 35–37]. В соответствии с этим механизм переноса лежит в основании морального восприятия мира и любой моральной предикации.

В теоретическом плане процесс проекции служит двум целям: во-первых, раскрывает связь, существующую между предложениями (1) и (2), доказывая адекватность экспрессивистского анализа, и, во-вторых, обозначает различия, присутствующие между ними. Основное различие имеет под собой прагматические основание – процесс проекции объективирует субъективные переживания и интересы, приписывая их в качестве свойств объектам восприятия. С помощью него происходит частичная легитимизация и обоснование наших норм восприятия и стандартов поведения.

Экспрессивистский способ решения «проблемы разногласий» вместе с онтологическим тезисом Д. Юма о происхождении моральных свойств доказывает преимущества понимания эмотивизма не как доктрины, анализирующей значения моральных высказываний, а как эпистемической теории, исследующей вопросы функционирования и обоснования морального дискурса. Исходя исключительно из семантики предложений (1) и (2), невозможно провести в них различие, значения этих высказываний будут эмоциональными. Различное прагматическое отношение к воспринимающему их человеку будет упущено. «Проблема разногласий» возникает исключительно в семантическом измерении. Выше было отмечено, что остальные аргументы так же возникают, как реакция на эмотивистский анализ значений моральных терминов. Поэтому логично было бы отказаться от семантической интерпретации эмотивизма и обратиться к исследованию эпистемических возможностей этой теории.

Эпистемический смысл нонкогнитивизма. Возвратимся к первоначальному смыслу морального отношения к миру, смыслу, из которого возможно провести различие между моральными и неморальными высказываниями, из вопроса «того, как нам жить», т.е. выбора релевантных стратегий поведения. Ошибка некоторых эмотивистов (как и их критиков) заключалась в том, что они анализировали совокупность используемых в моральном дискурсе терминов без соотнесения с этим вопросом¹. Одной семантической формы тер-

---

¹ Этого нельзя сказать об А. Макинтайре, который, исходя из своих аутентичных оснований, также считает эмотивизм эпистемической теорией, анализирующей прагматику морального дискурса, и не приемлет его семантическое понимание [7. Р. 18–20].

мина «правильно» или «хорошо», еще недостаточно, чтобы этот термин классифицировался как моральный. Эти термины могут использоваться и в неморальных контекстах.

Более того, формально семантика моральных высказываний является дескриптивной:

- в моральном дискурсе происходит определенная предикация свойств объектам, например, как в высказывании «Этот человек благоразумен» или «Десталинизация – это правильное явление». Предметом морального высказывания является поведение человека;

- эмоции, которые лежат в основании морального дискурса, являются ответом на эмпирические обстоятельства (особенно это касается оценочных высказываний), это определенные переживания индивида, которые он испытывает при наблюдении поступков другого лица. Они вполне эмпиричны и содержательны.

Учитывая эти характеристики, невозможно, основываясь на одной семантике, на одном анализе значений, определять моральные высказывания в качестве особого класса высказываний, в чем-то отличных от дескриптивных. Это интуитивно уловил Ч. Стивенсон, который и провел различие между процессом использования слова и его значением, указав, что именно актуальное использование терминов детерминирует их понимание в качестве моральных. Такой тип использования языка он обозначил как «dynamic use» (буквально как «динамичное», «мотивировочное»). Специфика данного типа заключается в том, что оно непосредственно воздействует на человека и определяет его поведение.

Нельзя полностью отрицать позитивные моменты семантического эмотивизма. Например, польза эмотивизма айеровского толка заключалась в том, чтобы сделать ясным различие между процедурами обоснования у моральных и дескриптивных высказываний. Самоочевидность «протокольных предположений» делает избыточным для них дополнительные процедуры обоснования. «Идет снег», «Кошка на рогожке» – мы не задаемся вопросом, почему кошка на рогожке, нам достаточно увидеть, что это так. В то время как для моральных высказываний такой самоочевидности не возникает: «Делать аборты – это неправильно», «Господин Б. – аморальный человек». Из простого факта наблюдения господина Б. или процедуры аборта не следует, что этот господин аморальный, а делать аборты неправильно. Поэтому Айер и пришел к выводу об неинформативности и бессмысленности моральных понятий, когда на самом деле разговор должен был идти не об неинформативности, а о специфических процедурах обоснования, которые делают возможной эпистемическую значимость моральных высказываний. Главный вопрос заключается в том, что именно служит источником моральных оценок, в соответствии с чем принимается тот или иной тип решений как наиболее приемлемый в отношении оценки определенных социальных явлений или выбора стратегии поведения. Речь идет об особом факторе в производстве моральных высказываний – их мотивации. Проблема мотивации отсутствует у эмпирических предложений. Было бы неуместно спрашивать, почему мы утверждаем, что «Снег белый» или «Вода в океане соленая», но было бы вполне оправданно вопрошать «Почему я это должен делать?» или «Почему я должен до-

верить этой оценке?». Эмотивистский скепсис относится к обоснованию мотивационной силы: считается, что мотивационная сила моральных высказываний не поддается рациональной реконструкции, она не может стать общезначимой.

Вопрос мотивации – это вопрос нормы или стандарта, на базе которого происходит предикация. Сравним семантику предложений: «Этот человек является выносливым» и «Этот человек благоразумный». Нельзя отрицать, что первое предложение описывает определенный факт. Описывает ли факт второе предложение? По всей видимости, да. Семантика этих предложений сходна между собой: они нечто утверждают о человеческом поведении, поэтому анализ первого типа предложений помогает понять специфику второго. Рассмотрим следующее предложение: «Этот человек является быстрым». Для установления достоверности этого высказывания существуют определенные процедуры, например фиксация времени, затраченного человеком на преодоление расстояния. Выполнение этой процедуры является основанием для заключения о выносливости этого человека или быстроте его перемещения. В основе данного типа предикации лежат стандарты, опираясь на которые, он появляется. Есть ли подобные стандарты для предикации моральных свойств? Моральные принципы служат основанием для предикации и оценки поступков людей. Но что служит обоснованием для них? Почему нужно поступать так, «чтобы максима твоей воли могла стать...» или «во благо пользы наибольшего числа людей»? Имеют ли объективную природу стандарты морального поведения? Эмотивизм отвечает отрицательно на этот вопрос. Однако форма выражения, которая была выбрана, оказалась неудачной. Субъективность была интерпретирована через выражения эмоциональных предпочтений, что и создало впечатление о недескриптивном характере моральных высказываний¹.

Если представление о недескриптивном характере было ошибочным, то о чем тогда повествуют моральные высказывания, какие свойства они предикцируют? Моральный дискурс говорит об особом типе свойств, условно их можно обозначить как «моральные свойства». Основное отличие моральных свойств от свойств, которые принято называть натуральными, состоит в том, что моральные свойства – это конвенциональные свойства. Конвенциональные свойства не возникают у предметов непосредственно при их восприятии. Эти свойства появляются у предметов после процедуры их обоснования. Двойной процедуры обоснования: во-первых, обоснования стандарта, на базе которого происходит предикация свойств, и, во-вторых, обоснования применимости данного стандарта к этой ситуации. Однако, в соответствии с эмотивизмом, обоснование стандарта не является до конца рациональной процедурой: ее нельзя полностью вывести в пространство интерсубъективного обсуждения.

2. *Комментарии* (2 – Д.К., 1 – И.Т.²), Природа моральных разногласий и статус моральных высказываний.

2: Представляется, что второй тип эмоциональных высказываний, который сообщает об эмоциональном состоянии, может порождать разногласия, и

¹ Поиск более подходящих вариантов выражения дан в [7. С. 58–59].

² Д.К. – Казеннов Д.К.; И.Т. – Тарасов И.П.

такие разногласия будут иметь моральный характер: «Политик А. – аморален», «Это ложь, политик А. – порядочный человек!» Если верно то, что оценочное высказывание является актом внушения, как об этом писал Стивенсон («...спросить, что есть благо, означает, просить оказать влияние» [4. Р. 30]), то возражение такому высказыванию также следует толковать прагматически, как протест в ответ на эмоциональное давление: «Я отказываюсь вслед за вами осуждать политика А.».

По этой причине представляется неверным считать утверждение вида «Этот человек благоразумный» дескриптивным. Дескриптивные предложения – это предложения, во-первых, не содержащие суггестию, а во-вторых, кодирующие чувственные данные (описание в собственном смысле: протяжённость описываемого предмета, его положение в пространстве и т.п.). С другой стороны, прагматической целью оценочного высказывания является как раз суггестия, т.е. внушение. Стивенсон по этому поводу пишет, что у слова есть эмоциональное значение, которое обозначает «тенденцию данного слова, возникающую в течение истории его употребления, порождать аффективные реакции в людях» [4. Р. 23]. Таким образом, прагматической (или динамической) целью оценочного и в частности морального высказывания является не предсказание поведения людей, а порождение определённых реакций в непосредственной аудитории. Эстетические жесты или маркетинговые высказывания могут иметь своей целью просто привлечение внимания или произведение разнообразных впечатлений у аудитории, но моральные высказывания имеют своей целью именно внушение и согласное подчинение. При этом такие высказывания могут вообще ничего не описывать.

Предложение вида «Этот человек ведёт себя таким-то образом, например, избегает употребления наркотиков или соблюдает правила дорожного движения» не влечёт за собой высказывание «Поступай, как этот человек!» Из образа поведения человека А. не следуют правила действий и привычки человека Б. Однако высказывание о благоразумии подразумевает именно внушение. Предложение «Этот человек благоразумный» или «Этот человек хороший» сообщает то же, что и высказывание «Поведение этого человека следует принять в качестве образца». Утверждение о благоразумии не кодирует ни зрительные, ни тактильные, ни слуховые, ни обонятельные, ни вкусовые данные. Именно высказывание о чувственных данных и есть дескрипция в собственном смысле слова. Высказывание о том, что «человек – хороший», не вызовет воспоминаний чувства холода или масштаба предмета. Утверждения о геометрической пропорции или о положении в пространстве и времени непроизвольны. Они не являются предметом конвенции.

1: Фраза «Я отказываюсь вслед за вами осуждать политика А.» выбрана не совсем удачно, потому что не относится напрямую к классу предложений, описывающих эмоции людей непосредственно. Ее смысл можно реконструировать двояко:

«Я отказываюсь вслед за вами осуждать политика А., потому что он порядочный человек»;

«Я отказываюсь вслед за вами осуждать политика А., потому что он мне нравится».

Первая фраза имеет моральный смысл, но это не описание эмоционального состояния. Вторая фраза описывает эмоции, но у нее отсутствует моральный смысл.

Традиция реконструкции значения моральных терминов в функциях осуждения или одобрения относится к эмотивизму Хэара и для него «проблема разногласий» иррелевантна. Однако данный тип анализа становится проблематичным при следующем рассуждении:

Если делать определенную вещь плохо,
то заставлять вашего младшего брата делать ее тоже плохо.

Мучить кошку плохо.

Его, заставлять младшего брата мучить кошку – плохо.

В большой посылке говорящий не высказывает никакого акта осуждения. Его нельзя понимать как осуждающего совершение определенной вещи.

Непонятно, почему из вывода о наличии динамичной функции у термина следует вывод о его недескриптивности. Когда я говорю «Этот танец хороший» и пытаюсь повлиять на ваше решение при голосовании, то значение этого слова будет частично дескриптивным, потому что термин «хороший» в данном контексте описывает определенные характеристики танца (пластику, синхронность партнеров, чувство ритма), которые и служат основанием для моей оценки. Также хотелось бы напомнить, что у Стивенсона существует разделение между использованием слова и его значением, и если термин используется динамично – это еще не означает, что он недескриптивный. Конечно, Стивенсон устанавливает определенную зависимость между значением слова и его использованием, однако для него эта зависимость не является жесткой, потому что во фразе или термине могут соединяться как дескриптивное использование, так и динамическое [4. Р. 21]. Поэтому вывод «Дескриптивные предложения – это предложения, во-первых, не содержащие суггестию» некорректный. Спорным является и вывод о том, что моральные высказывания не кодируют чувственные данные, а что же я делаю, когда наблюдаю поведение человека и делаю вывод, что он благоразумный? Может быть, это не такое кодирование, как с описанием пространственного положения, но из этого нельзя делать вывод, что его нет.

В обществе распространены конкретные стандарты поведения, которые приобретают смысл моральных, например «не укради», «не убий», и здесь не видно никаких проблем для того, чтобы сделать вывод «Поступай так!». Конечно, связь между нормами «не употребляй наркотиков» и «будь благоразумен» неоднозначная, но она есть. Связь между этими нормами и порождает конвенцию.

«Таким образом, прагматической (или динамической) целью оценочного и в частности морального высказывания является не предсказание поведения людей, а порождение определенных реакций в непосредственной аудитории» – это бесспорно, потому что «предсказание поведения людей» не относится к прагматике морального языка, оно относится к его онтологии. Однако внушение основывается на процессе предсказания, например при восклицании «Опасность!» или «Караул!». Почему люди начинают себя вести определенным образом, когда слышат эти слова?

Конвенция как обоснование ценностного высказывания.

2: Представляется, что общественная конвенция не может служить для обоснования ценностного высказывания. Конвенция является статистической, т.е. зависит от эмоциональных реакций большинства. Известно, что человеческая популяция неоднородна генетически (и, в частности, в своих реакциях) в силу неопределённой изменчивости. Но даже если бы человеческий вид был единообразным и неизменным в аристотелевском смысле, и будь все человеческие эмоциональные реакции врождёнными, из дескриптивного предложения «Все люди всегда выражают единообразную эмоциональную реакцию В на предмет С» не следовало бы этическое высказывание «С это В, реагируй на С, как В» (более того, в таком случае в языке не было бы ценностных высказываний, поскольку не было бы смысла во внушении).

1: Термин «конвенция» может пониматься двумя способами – как соглашение между людьми и как результат произвольного выбора человека, который недетерминирован объективными причинами. Таким образом, можно говорить об общественной конвенции и конвенции индивидуальной или личной. Во втором смысле термин «конвенция» ввел А. Пуанкаре, когда писал, что выбор фактов детерминирован простотой и чувством прекрасного [9. С. 8, 378–379]. Следует заметить, что личностная конвенция может стать общественной при успехе ее обоснования. В основании стандартов предикации моральных свойств лежит именно личностная конвенция, поэтому каких-то проблем со статистикой или особым мнением (*votum separatum*) возникнуть не может. Для значимости этой конвенции достаточно мнения одного человека.

Литература

1. Айер А. Язык, истина и логика / Пер. с англ. В.А. Суровцева, Н.А. Тарабанова; под общ. ред. В.А. Суровцева. М.: Канон +, РОИИ Реабилитация, 2010.
2. Schroeder M. Noncognitivism in Ethics. Taylor & Francis e-Library, 2010.
3. Ламберов Л.Д., Тарасов И.П. В защиту эмотивизма: дефляционизм и моральные высказывания // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2010. Т. 8, №3. С. 20–26.
4. Stevenson C. The Emotive Meaning of Ethical Terms // Mind, New Series, 1937. Vol. 46, № 181.
5. Mackie J.L. Ethics: Inventing Right and Wrong. London: Penguin Book, 2nd ed. 1990.
6. Joyce R. Patterns of Objectification // A World without Values – Essays on John Mackie's Moral Error Theory / Ed. Joyce R., Kirchin S., London; New York: Springer Dordrecht Heidelberg, 2010.
7. MacIntyre A. After Virtue: a Study in Moral Theory. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 3rd ed., 2007.
8. Тарасов И.П. Морально-правовой эмотивизм Л.И. Петражицкого: перспективы развития // Философия права. 2010. №6. С. 56–59.
9. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990.